

*А.В. Макарычев
(Самара)*

ПРАВОВОЙ КОД ПРОЗЫ В. ШАЛАМОВА

***Аннотация:** в данной статье рассматривается понятие правового кода литературы на материале биографии и текстов Варлама Шаламова. Через правовую рефлексию автора устанавливается, что для него означали такие понятия, как преступление, лагерь, лагерный быт.*

***Ключевые слова:** Варлам Шаламов, правовой код, «Колымские рассказы», рефлексия, житнотекст.*

Рассматривая современные тенденции развития науки, можно заметить, что на сегодняшний день изучаемые вопросы сужаются, а вслед за этим, отвечая новым потребностям, происходит и интеграция различных областей научного знания. Исследования междисциплинарного характера всё чаще приковывают к себе интерес. Это не обошло стороной и филологию. Так, сегодня можно встретиться с работами, которые объединяют в себе литературоведение и юриспруденцию, ответом на что стало порождение термина «юрислитературоведение» [Сафронова 2016: 31], которым как раз и обозначают научную дисциплину, вобравшую в себя работы на стыке вышеперечисленных наук.

В отечественном литературоведении появляются исследования о дискурсе права, криминальном дискурсе. Самое очевидное в исследованиях подобного рода – мотив преступления и наказания в русской литературе. Вектор этих исследований задан, прежде всего, творчеством Достоевского. С этой точки зрения рассматривается лагерная проза В. Шаламова.

В нашей работе исследуется правовой код прозы Варлама Шаламова. Обратимся к самому понятию правового кода литературы. Под правовым кодом литературы мы понимаем систему знаков, которая позволяет считывать информацию правового характера и интерпретировать ее в рамках той или иной художественной системы, в нашем случае – в рамках творчества Шаламова.

Желание справедливости и необходимость борьбы за неё в Шаламове начали складываться ещё в юности, о чём он напишет в своей автобиографической повести о «Четвёртая Вологда». В итоге в своей борьбе автору трижды пришлось столкнуться с советской правовой системой:

- 1) в 1929 году произошёл первый арест;
- 2) в январе 1937 года Шаламова вновь арестовали [Сафронова 2016: 31];

3) 22 июня 1943 года писатель был бесосновательно осуждён на десять лет за антисоветскую агитацию [Следственное дело 1943].

В итоге, отбыв в лагерях 17 лет, Шаламов перенёс свой опыт в литературу. С 1954 по 1973 год писатель работал над циклом «Колымских рассказов», который представляет собой правовую и нравственную рефлексию лагерной жизни заключённых.

Сам автор неоднократно утверждал, что его произведения достоверно-биографичны: *«Каждый мой рассказ — это абсолютная достоверность. Это достоверность документа»* [Горбачевский 2009: 121]. Однако также упоминалось, что документальная проза Шаламова подведена «к высшей степени художественности», она обладает «художественной и документальной силой одновременно» [Горбачевский 2009: 121].

В связи с чем, при рассмотрении вопроса правового кода шаламовских «Колымских рассказов», думаю, уместно будет обращение к понятию «жизнетекст», предложенному исследователями Самоделовой и Алпатовой [Сафронова 2016: 30]. Проблема «жизнетекста» предполагает рассмотрение поэтики поведения, как некоего высказывания. Развивая эту идею, следует также учитывать наличие мельчайшей единицы житнетекста, так называемой биографемы. Это понятие впервые было предложено Р. Бартом. В свою очередь Е.Ю. Сафронова определяет данный термин как мельчайшую единицу житнетекста, имеющую значение для формирования мировоззренческих и эстетических взглядов писателя.

В контексте нашей работы мы отметим наличие правой биографемы, то есть элемента житнетекста, который является определяющим для формирования авторского правового дискурса.

Приведём несколько примеров правовых биографем на примере «Колымских рассказов».

Наиболее крупная и очевидная — само название сборника и место действия рассказов. Как известно, второй срок Шаламов отбывал в лагере на Колыме, что оставило на нём отчетливый след. Даже его автобиография «Несколько моих жизней» практически начинается со слов: *«Мне нетрудно вернуться к ощущению детских лет. Колыму же я никогда не забуду. И все же это жизни разные. «Там» — я не всегда писал стихи. Мне приходилось выбирать — жизнь или стихи и делать выбор (всегда!) в пользу жизни»* [Шаламов 1988].

Другую правовую биографему можно найти, например, в рассказе «Сгущённое молоко»: *«Вот и сейчас — хотелось уйти в барак, лечь на нары, а я все стоял у дверей продуктового магазина. В этом магазине могли покупать только осужденные по бытовым*

статьям, а также причисленные к «друзьям народа» воры-рецидивисты. Нам там было нечего делать...» [Шаламов 1967]. Здесь Шаламов намекает на то, что персонаж, от чьего лица ведётся повествование, является так называемым «врагом народа», понять это можно, исходя из ироничного высказывания о том, что в магазине могли покупать «друзья народа» – воры-рецидивисты, а герою в этом заведении делать нечего. А, как известно, Шаламов был осуждён как «социально вредный элемент» или, выражаясь иначе, враг народа.

В «Колымских рассказах» у Шаламова сложилось представление о двух мирах (структурах) внутри лагерной системы. Одна из них представлена конвоирами и теми, с кем сотрудничают представители лагеря. Для заключённых работники лагеря одновременно являются и источником физического существования, и источником ограничений.

Будучи источником жизни, конвоиры приносят экам еду, как, например, в начале рассказа «Хлеб»: *«Сегодня был селедочный день, и за раздатчиком несли огромный фанерный поднос, прогнувшийся под горой селедок, разрубленных пополам»* [Шаламов 1967]. Или же эта система может организовать заключённому комфортные условия, о чём неоднократно говорится, например, в рассказе «Плотники»: *«Нужно было, конечно, раньше искать каких-то путей спасения. Таких путей было не много. Можно было стать бригадиром или смотрителем, вообще держаться около начальства»* [Шаламов 1967].

Однако для того, чтобы эта структура приняла заключённого, необходимо ей услужить. Так, например, в вышеупомянутом рассказе «Сгущённое молоко» говорится, о том, что заключённого Шестакова устроили геологоразведку, то есть, в так называемую контору. В обмен на это заключённый должен организовать отряд из нескольких эков для побега, который в итоге настигнет конвой. Это мы понимаем из следующего эпизода: *«Он соберет нас в побег и сдаст — это совершенно ясно. Он заплатит за свою конторскую работу нашей кровью, моей кровью. Нас или убьют там же, на Черных Ключах, или приведут живыми и осудят — добавят еще лет пятнадцать. Ведь не может же он не знать, что выйти отсюда нельзя»* [Шаламов 1967].

Такова для этой системы в «Колымских рассказах» цена человеческой жизни. Права имеют лишь конвоиры и те, кто смог к ним приблизиться, остальные же эки существуют просто как данность. Это безразличие можно увидеть чуть ли не в каждом рассказе цикла. Если мы обратимся к финалу вышеупомянутого

рассказа, то увидим, что человеческую жизнь никто не гнушается использовать как валюту для оплаты своего «долга» начальству: *«Шестаков успел уговорить пятерых. Они бежали через неделю, двоих убили недалеко от Черных Ключей, троих судили через месяц. Дело о самом Шестакове было выделено производством, его вскоре куда-то увезли, через полгода я встретил его на другом прииске. Дополнительного срока за побег он не получил — начальство играло с ним честно, а ведь могло быть и иначе»* [Шаламов 1967].

В рассказе «Ягоды» можно увидеть некоторое пренебрежение и жестокость со стороны конвойных, однако никем это не воспринимается как нечто ненормальное, это можно понять даже из спокойного ответа рассказчика и поведения его «товарищей»:

«— Ну-ка, покажись, я тебя запомню. Да какой ты злой да некрасивый. Завтра я тебя пристрелю собственноручно. Понял?»

— Понял, — сказал я, поднимаясь и сплевывая соленую кровавую слюну.

Я поволок бревно волоком под улюлюканье, крик, ругань товарищей — они замерзли, пока меня били» [Шаламов 1967].

Но безразличие этой системы считывается не только в жестокости охраны, например, в рассказе «Детские картинки» можно понять, как халатно относятся к заключённым конвоиры уже по одному предложению: *«Нас выгоняли на работу без всяких списков, отсчитывали в воротах пятерки. Строили всегда по пятеркам, ибо таблицей умножения умели бегло пользоваться далеко не все конвоиры»* [Шаламов 1967].

Вторая структура внутри лагерной системы в «Колымских рассказах» организовалась у заключённых. У них сложилась своя иерархия. Опять же, кто-то имеет здесь больше прав, кто-то меньше, а чья-то жизнь и вовсе ничего не значит. Особенно хорошо эта иерархия прослеживается в рассказах «На представку» и «Заклинатель змей».

В первом случае мы наблюдаем карточную игру двух блатных. Автор очерчивает их превосходство, указывая на некоторую элитарность: *«Играли всегда двое — один на один. Никто из мастеров не унижал себя участием в групповых играх вроде очка. Сидеть с сильными «исполнителями» не боялись — так и в шахматах настоящий боец ищет сильнейшего противника. Партнером Севочки был сам Наумов, бригадир коногонов»* [Шаламов 1967].

В «Заклинателе змей» мы имеем дело с персонажем по имени Федя, который так же, как и вышеописанные, является блатным. Он вправе обращаться к людям, как захочет:

«— Ну, где он, этот Иван Иванович? — звали с верхних нар.

— Я не Иван Иванович, — сказал Платонов, щурясь.

— Он не идет, Федечка.

— Как не идет?

Платонова вытолкали к свету.

— Ты думаешь жить? — спросил его негромко Федя.

— Думаю, — ответил Платонов.

Сильный удар кулаком в лицо сбил его с ног. Платонов поднялся и вытер кровь рукавом.

— Так отвечать нельзя, — ласково объяснил Федя. — Вас, Иван Иванович, в институте разве так учили отвечать?» [Шаламов 1967]

Он может указывать место для других заключённых:

«— Иди, тварь, — сказал Федя. — Иди и ложись к параше. Там будет твое место. А будешь кричать — удавим» [Шаламов 1967].

Перед ним выслуживаются:

«— Скука, братцы, — сказал Федя, зевая, — хоть бы пятки кто почесал, что ли...

— Машка, а Машка, иди чеши Федечке пятки.

В полосу света вынырнул Машка, бледный хорошенький мальчик, воренок лет восемнадцати.

Он снял с ног Федечки заношенные желтые полуботинки, бережно снял грязные рваные носки и стал, улыбаясь, чесать пятки Феде. Федя хихикал, вздрагивая от щекотки.

— Пошел вон, — вдруг сказал он. — Не можешь чесать. Не умеешь.» [Шаламов 1967]

И только он здесь решает, кто может быть уважаем и пользоваться привилегиями, а кто нет:

«— Слушай, — сказал Федя, улыбаясь почти заискивающе, — я тут погорячился немного.

— Ничего, — сказал Платонов сквозь зубы.

— Слушай, а романы ты можешь тискать?

— М-могу, — выговорил Платонов и в первый раз за этот трудный день улыбнулся. — Могу тиснуть.

— Ах ты, милый мой! — Федя развеселился. — Иди, лезь сюда. На тебе хлебушка. Получше уж завтра покушаешь. Садись сюда, на одеяло. Закуривай» [Шаламов 1967].

После этого диалога другие заключённые сразу же начинают относиться к Платонову иначе:

«Выводили на работу. Высокий деревенский парень, проспавший вчерашних валетов, злобно толкнул Платонова в дверях.

— Ты, гадина, ходи да поглядывай.

Ему тотчас же зашептали что-то на ухо.

Строились в ряды, когда высокий парень подошел к Платонову.

– Ты Феде-то не говори, что я тебя ударил. Я, брат, не знал, что ты романист» [Шаламов 1967].

Так же, как и в структуре лагерных начальников, здесь всем, в основном, наплевать на человеческую жизнь, особенно тех, кто ниже по статусу. Однако, если у конвоиров это больше похоже на жесткость ради жестокости, то у заключённых чаще вопрос связан с практическими соображениями.

Герои Шаламова, привыкшие к бесконечным и разнообразным издевательствам, каждодневному присутствию смерти, жёсткой иерархии, абсолютного бесправия, уже ничего не чувствуют, ими стали руководить скорее животные инстинкты, приправленные человеческой смекалкой, и эти люди делают что-либо лишь для одной цели – выжить.

В художественном тексте Шаламова биографема обладает повышенным семиотическим потенциалом. Она объективируется писателем, чтобы потом быть развернутой в вымышленном повествовании, обладающем рядом признаков документальной прозы. Жизнетекст писателя претворяется в сюжетах его рассказов, давая читателю представление о полном бесправии личности в условиях лагерной жизни.

Список литературы

1. Алпатова Т.А. Проблема трансформации индивидуальной биографии в художественное повествование (роман Ф.А. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождение Мирамонда») // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал) // vestnik-mgou.ru/ru/Authors/View/10 (дата обращения: 10.06. 2017)

2. Горбачевский Ч.А. Поэтика документальной художественности рассказа В.Т. Шаламова «На представку» // Вестник Омского университета. 2009. № 1. Омск, 2009. С. 121–128.

3. Сафронова Е.Ю. Проблема правового житнетекста Ф.М. Достоевского: дело с П.А. Карепиным. Культура и текст №3, 2016(26).

3. Следственное дело 1943 г. №125856 [Электронный ресурс] – <https://goo.gl/8pvzXY>.

4. Шаламов В.Т. Колымские рассказы [Электронный ресурс] – <https://goo.gl/TXh9Wy>.

5. Шаламов В.Т. Моя жизнь – Несколько моих жизней [Электронный ресурс] – <https://goo.gl/dq3j4x>.

A.V. Makarychev
(Samara)

THE LEGAL CODE OF THE PROSE BY V. SHALAMOV

Abstract: *this article discusses the concept of the legal code of literature in the works of Varlam Shalamov. Through the legal reflection of the author it is established what the camp and its everyday life and the general concept of crime meant for the author.*

Keywords: *Varlam Shalamov, the legal code, the Kolyma tales, reflection, lifetext.*

Д.А. Истомина
(Самара)

«ДОМ, В КОТОРОМ...» МАРИАМ ПЕТРОСЯН КАК КУЛЬТОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению романа М. Петросян «Дом, в котором...» как культового текста. Автор обращается к значению понятия «культовость», причинам превращения произведения в культовое.*

Ключевые слова: *культовость, культовая литература, популярный писатель.*

Каждый из нас хотя бы раз в жизни сталкивался с произведением, которое поразило. Такие книги нередко приобретают запредельный успех. При их характеристике наравне с традиционными формулами «высокохудожественное произведение», «талантливая вещь» и т.п. всё чаще используется понятие «культовый текст». Возможные причины этого заинтересовали исследователей литературы. Они стараются понять, в каких формах проявляет себя «культ» художественного произведения, когда это явление возникло, что делает тот или иной текст культовым.

Так, в Институте мировой литературы Российской Академии Наук был проведен «Круглый стол» на тему «Литературный культ как феномен современной культуры» [Обсуждение в ИМЛИ 2007]. Литературоведы искали ответы на перечисленные вопросы. Самыми важными из прозвучавших выводов мне представляются следующие: понятие культовой литературы появилось в XX веке. «Культо-